

УЛУЧШЕНИЕ
СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В АВГУСТЕ—СЕНТЯБРЕ 1939 г. В ОЦЕНКЕ
РЯДОВЫХ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАНIMPROVEMENT OF SOVIET-GERMAN
RELATIONS IN AUGUST AND SEPTEMBER
OF 1939: ATTITUDES OF ORDINARY
SOVIET CITIZENS

Аннотация: Со времени подписания советско-германского договора о ненападении в СССР была начата политико-идеологическая кампания, целью которой было формирование положительного имиджа гитлеровской Германии. У многих советских граждан эти соглашения вызвали раздражение и воспринимались как отклонение от прежней антифашистской линии советской пропаганды.

Ключевые слова: пакт Молотова—Риббентропа; Народный комиссариат иностранных дел (НКВД); политико-идеологические кампании; пресса; пропаганда; агитатор; Управление пропаганды и агитации (УПА); Главлит.

Сведения об авторе: Еремин Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, специалист информационно-аналитического отдела Учебного управления.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628606, Ханты-Мансийский округ — Югра, г. Нижневартовск, пр. Победы, д. 1а, кв. 32; тел.: (922)557924.
E-mail: serjomin@mail.ru

Abstract. From the first day of validity of Soviet-German non-aggression Pact USSR launched political and ideological campaign, aiming to form a positive image of Hitler's Germany. Many Soviet citizens were dissatisfied with the treaty which highly contrasted previous anti-fascist rhetorics of the Soviet propaganda.

Key words: the Molotov—Ribbentrop Pact; People's Commissariat of foreign Affairs (NCID); political-ideological campaigns; press; propaganda; agitator; UPA Central Committee of the VKP(b); Main Administration for Safeguarding State Secrets in the Press.

About the author: Sergey Eremin, Candidate of Historical Sciences, specialist of the Information and Analytics Department.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

23 августа 1939 г. в Москве министр иностранных дел нацистской Германии Й. фон Риббентроп и народный комиссар иностранных дел СССР В.М.Молотов поставили свои подписи под советско-германским договором о ненападении, получившим впоследствии наименование «пакт Риббентропа—Молотова».

Буквально с первого дня действия пакта в Советском Союзе развернулась политико-идеологическая кампания, содержание которой сводилось к внедрению в общественное сознание мысли о том, что СССР и нацистская Германия отныне не являются противниками¹.

24 августа в передовой статье газеты «Правда» отмечалось, что различия в идеологии и политических системах обоих государств не являются препятствием для установления добрососедских отношений между ним [14. 1939. 24 августа]. Ключевыми в контексте разворачивавшейся политико-идеологической кампании являлись устные выступления и публикации в центральных газетах главы Советского правительства В.М.Молотова, за которым стоял И.В.Сталин.

В своей речи на внеочередной сессии Верховного Совета СССР (31 августа 1939 г.) В.М.Молотов напомнил тезис об установлении «добрососедских отношений между СССР и Германией». Тем самым был дан сигнал к свертыванию антинацистской пропаганды. Глава советского правительства указал при этом, что ранее некоторые «близорукие люди» увлекались «упрощенной антифашистской агитацией» [9. 1939. 1 сентября].

¹ Под политико-идеологической кампанией в постсоветской исследовательской литературе понимается инициируемое режимом сосредоточение внимания на той или иной группе государственных вопросов, в первую очередь, внешнеполитического характера, для достижения заранее сформулированных целей.

В.М.Молотов не только нацеливал пропагандистские органы на отказ от открытых антинацистских деклараций, но и озвучил установку для населения СССР об адекватном восприятии подобного пропагандистского поворота [14. 1939. 1 ноября].

28 сентября 1939 г., в ходе второго визита Й.Риббентропа в Москву, был подписан Договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Это соглашение дало новый импульс для усиления политико-идеологической кампании в духе сталинского курса на советско-германское сближение.

В газете «Известия» появилась передовая статья, текст которой предварительно отредактировал И.В.Сталин [9. 1939. 9 октября]. Формальным поводом для ее написания послужила речь Гитлера в германском рейхстаге 6 октября 1939 г. Фюрер предлагал западным союзникам прекратить военные действия в Европе и созвать мирную конференцию великих держав. В упомянутой статье ставился следующий вопрос: могут ли аргументы западных противников Германии в пользу продолжения войны с ней быть признаны сколько-нибудь обоснованными и убедительными? В ней утверждалось, что каждый человек волен выражать собственное отношение к той или иной идеологии и имеет полное право защищать или отвергать ее. Однако, как указывалось в рукописи передовой статьи газеты «Известия», истребление людей по причине неприятия тех или иных мировоззренческих убеждений является «нелепой и бессмысленной жестокостью» [1. С. 311].

При редактировании статьи И.В.Сталин после этих слов переписал часть текста и добавил: «Это возвращает нас к мрачным временам средневековья, когда велись опустошительные религиозные войны во имя уничтожения еретиков и инакомыслящих. Однако история показала, что подобные идеологические и религиозные подходы приводили лишь к истреблению целых поколений и культурному одичанию народов. Можно уважать или ненавидеть гитлеризм, как и всякую другую систему политических взглядов. Это дело вкуса. Но затевать войну из-за “уничтожения гитлеризма” — значит допускать в политике преступную глупость» [1. С. 312].

31 октября 1939 г. В.М.Молотов в своей речи на Сессии Верховного Совета СССР по поводу перспектив войны между Германией и западными союзниками высказался в полном согласии со сталинской постановкой вопроса.

По этому поводу Ю.Л.Галактионов отмечал: «...все тут, как говорится, шито белыми нитками и трудно сказать чего здесь больше — цинизма, фальсификации, обыкновенного вранья? Важно другое: это была *официальная* (курсив автора. — С.Е.) точка зрения, а другие исключались вовсе» [5. С. 133].

Наконец, в самом конце 1939 г. «сверху» был дан еще один сигнал для пропагандистского обоснования сближения с Германией. 23 декабря 1939 г. А.Гитлер направил поздравительную телеграмму по случаю 60-летия Сталина. В ней фюрер пожелал «доброго здоровья» юбиляру и «счастливого будущего народам дружественного Советского Союза» [13. С. 166], а Й. фон Риббентроп напомнил о начавшемся повороте в отношениях между СССР и Германией, «создавших основу для длительной дружбы между ними». 25 декабря И.В.Сталин ответил Гитлеру и Риббентропу и подчеркнул: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной» [13. С. 167].

В «Политическом словаре» 1940 г. А.Гитлер (в полном соответствии с приведенной ранее сталинской характеристикой, данной еще в 1935 г.) был назван «выдающимся политическим деятелем Германии» [5. С. 134].

Уже в начале сентября 1939 г. в советской периодической печати стали появляться материалы, которые должны были нацеливать советских людей на восприятие изменений в отношении Германии. Так, газета «Правда» писала о «единодушном одобрении трудящимися исторических решений Верховного Совета СССР», который дал добро на ратификацию Договора о ненападении с ней [14. 1939. 3 сентября].

Однако далеко не все советские граждане демонстрировали «единодушное одобрение», узнав о подписании договоренностей между СССР и нацистской Германией от 23 августа и от 28 сентября 1939 г. По свидетельству академика В.И.Вернадского, в обществе происходило «большое скрытое брожение мысли в связи с резким противоречием между реальностью и официальным изложением положения» [3. С. 174]. По мнению Вернадского, расхождения между этими двумя реальностями, «всегда в государственной жизни существующие», резко увеличивались, выявляя сильный диссонанс в общественном сознании [3. С. 174].

Так, пенсионер С.И.Панфилов в своем письменном обращении на имя В.М.Молотова (28 августа 1939 г.) рассуждал о «практической пользе» пакта о ненападении. Он задавался вопросом: «Не бросит ли Гитлер в нужную минуту этот договор в мусорный ящик, как ничего не стоящий клочок бумаги, — что он неоднократно проделывал с другими...?» В данной связи Панфилов выражал полную уверенность: «Ломаный грош — вот цена словам таких людей, как герр Гитлер и К°» [17. С. 121]. Воистину крамольными (особенно в контексте выбранного советским руководством курса на сближение с Германией) выглядели его предложения об отношении к нацистским «вождям», явно навеянные прежними пропагандистскими установками: «Не помогать изворачиваться да точить на нас нож надо, а бойкотировать, блокировать фашистских каннибалов, отгородиться от них китайской стеной, рвами, колючей проволокой, рогатками, волчьими ямами. Пусть жарятся в собственном (арийском) соку. А помогать им спрыгнуть с горячей сковороды — не в наших интересах».

С.И.Панфилов считал, что никаких сделок ни с фашистской Германией, ни с ее союзниками Японией и Италией заключать не следует, «пока там власть в руках теперешних каннибалов!» [17. С. 121].

Ему вторил член ВКП(б) Д.В.Румянцев (г.Москва), который писал В.М.Молотову, имея в виду фюрера и главу его внешнеполитического ведомства: «Душа этих господ остается такой же, какой она есть и была до начала дружбы с нами. Она остается по-прежнему фашистской, черной душой, не отказывающейся от... грабительских целей» [8. С. 319]. Имея в виду А.Гитлера, Д.В.Румянцев утверждал, что ему «потребовалась передышка, для упорядочивания награбленного» [8. С. 319]. Вообще, адресат В.М.Молотова выразил свое полное неверие «в благие цели» Гитлера, даже если бы фюрер «в знак взаимной дружбы с Советским Союзом выпустил на волю т.Тельмана и объявил всенародно германскую компартию на легальное положение» [8. С. 319].

21 сентября 1939 г. комсомолец Полканов (г.Курск) в своем письме, адресованном В.М.Молотову, призывал главу Советского правительства прямо заявить А.Гитлеру: «Если он согласен быть во всех отношениях с Советским Союзом, то надо предложить ему стать коммунистом. Ибо так или иначе земной шар должен быть в два цвета, вода — в синий, а земля — в красный» [17. С. 121].

Между тем, даже сотрудники пропагандистских структур, казалось бы, по роду своей деятельности привыкшие к переменам в идеологической сфере, порой не сразу адаптировались к новым политическим установкам. Одни из них просто не знали, какую позицию необходимо выбрать, поскольку до этого по роду своей деятельности были вовлечены в деятельность по разоблачению нацистского режима. Другие были вынуждены констатировать: «Агитацию и пропаганду против фашизма нельзя проводить, т.к. наше правительство не видит никаких разногласий с фашизмом» [4. С. 131].

Большие затруднения испытывали агитаторы, которые должны были проводить беседы о текущих событиях, в том числе — и в области внешней политики, на местах. Испытывая затруднения с ответами на вопросы «трудящихся», некоторые агитаторы были вынуждены обращаться в «высшие инстанции». Один из них, К.А.Гудок-Еремеев (г.Красный Луч Луганской области) тщательно переписал некоторые из вопросов, которые задавали ему

рабочие транспортно-гужевого артели, и в 1940 г. переслал этот перечень в редакцию журнала «Спутник агитатора» (печатный орган ЦК и МК ВКП (б)) [15. С. 21]. Среди прочих вопросов имелись два, которые, как представляется, били точно в цель, поскольку в них отражалось недоумение по поводу резкого изменения характера советской пропаганды в связи с пактом Риббентропа—Молотова:

«Почему и отчего наша печать не ругает фашистов с осени 1939 года?»;

«Почему наши газеты теперь не ругают Геббельса, или он стал большевик?»

Большая группа вопросов, заданных агитатору из г.Красный Луч, касались внутренней и внешней политики нацистского режима и характеристики его вождей:

«Германия заключила договор с Японией и Италией. Не нападет ли Германия на СССР с запада, а Япония с востока весной 1941 года?»;

«Почему коммунисты Германии не берут Гитлера за глотку и его Геббельсов (так в тексте. — С.Е.), или они лижут теперь пятки Гитлера?»;

«Не надует ли Гитлер СССР и каким же образом теперь в Германии и когда образуется советская власть?»;

«В каких условиях работают компартии Германии и Италии? И почему нет обществ дружбы с Советским Союзом в Германии и Италии?»;

«Скажите, сколько Гитлер и Муссолини выдают хлеба в сутки рабочим и батракам?»;

«Допустим, Гитлер и Муссолини разбили Англию и США — ведь границы СССР и дальше на Запад должны расти. Не придется ли тогда после 10 лет (имеется в виду срок действия советско-германского Договора о ненападении от 23 августа 1939 г. — С.Е.) воевать с фашистами Германии и Италии?»;

«Будет ли советская власть в Германии и Италии и когда и что будет тогда с Гитлером и Муссолини, а?»;

«Гитлер и Муссолини, разделяя по плану Европу новую — для СССР отводит сферы — как это понимать, неужели Гитлер и Муссолини думают этим не пустить никогда советскую власть в Германию и Италию?»;

«Выгодна ли вторая империалистическая война для нашей революции. Чем и в чем как Гитлер будет бороться с коммунизмом? Является ли Гитлер политиком или демагогом?»;

«Скажите, любят ли воевать германские рабочие и батраки и весь народ. Если не любят, то как заставили фашисты воевать народ Германии и выгодно ли это компартии Германии?»;

«Почему и отчего Гитлер кричит, что якобы он тоже за пролетариат, орет против империалистов, а в Германии издевается над трудовым народом, а Крупнов поддерживает?»;

«Скажите как же советское правительство и компартия будут свергать Гитлера и его шайку и когда там организуют советскую власть?»;

«На самом ли деле Гитлер любит СССР, или двурушничает, а?» [15. С. 21—22].

Из содержания приведенных выше вопросов следует, что задававшие их явно стремились поставить агитатора в неудобное положение. Не случайно в своем сопроводительном письме, адресованном в редколлегию журнала «Спутник агитатора», К.А.Гудок-Еремеев констатировал: «Я увлекательно остро и со всей страстью большевика отвечаю на вопросы, детально готовясь к их ответам, но на многие вопросы я очень затрудняюсь им ответить» [15. С. 22].

Знаменательна реакция заведующего отделом агитации Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) П.Лященко, который ознакомился с письмом агитатора из г.Красный Луч. Лященко переправил полученное письмо в НКВД со следующим комментарием: «Ввиду того, что большинство вопросов носит явно враждебный, антисоветский характер, просим заинтересоваться их авторами» [15. С. 23].

В то же время в новых политических условиях, когда лидеры большевистской партии и Советского государства выдвинули лозунг дружбы с нацистской Германией и выступили с осуждением войны за «уничтожение гитлеризма», руководящие органы советской цензуры действовали в полном согласии с этими установками. По указанию Главлита изымалась печатная продукция, в которой встречались формулировки с прямым осуждением нацистского режима Гитлера либо просто с намеками на критику гитлеровской внутренней и внешней политики.

В конце 1939 — начале 1940 гг. в поле зрения цензуры оказались изданные ранее в СССР книги и брошюры, содержавшие критику в адрес Гитлера и его режима. 10 февраля 1940 г. начальник Главлита Н.Г.Садчиков направил заместителю начальника УПА ЦК ВКП (б) список книг, подлежащих изъятию из продажи и из библиотечного оборота [10. С. 31].

Цензура изъяла из обращения сборник Э.Тельмана «Боевые речи и статьи» и уже упоминавшуюся выше книгу С.Вишнева «Как вооружались фашистские поджигатели войны», поскольку нацистские деятели характеризовались в них не иначе, как «террористы и бандиты» [10. С. 42].

«Плохо говорится о Гитлере...», — так оценила цензура книгу Э.Отвальта «Путь Гитлера к власти». В ней же был обнаружен «ряд мест, которые... после заключения СССР договора о дружбе с Германией, нежелательны». В частности: «Теперь фашизм торжествует. Он справляет кровавые оргии по всей стране, истребляя коммунизм» [10. С. 43].

В списке книг, составленном начальником Главлита, фигурировала и «Третья империя в лицах», принадлежавшая перу Н.Корнева. Автор «очень остро» говорил «об изуверстве германского фашизма» и непрочности той базы, на которой держался А.Гитлер. Вывод руководства Главлита: «В условиях настоящего времени описываемое содержание книги не соответствует нашей внешней политике» [6. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 19. Л. 112].

Цензоры Главлита обратили внимание и на труды академика Е.В.Тарле. Не был пропущен в печать журнал «Литературный современник» (1939. № 7-8) со статьей этого известного ученого «Антифашистская фальсификация исторической науки в Германии». В ней, в частности, утверждалось: «Шкурный, животный националистический эгоизм, который сейчас возведен фашистами в перл создания, уже успел сделать совсем невозможным существование у них не только исторической науки, но и всех вообще гуманитарных, общественных наук». Помимо прочего, цензор обратил внимание на то, что Е.В.Тарле давал нелицеприятные характеристики нацистским «вождям» (А.Гитлеру, Й.Гейбельсу и другим). В результате названная статья Е.В.Тарле не была пропущена в печать [18. Прим. 1. С. 286].

В опубликованном в 1939 г. сборнике Трудов Ленинградской конференции по типизации технологических процессов цензору удалось обнаружить выдержку «с резкими выражениями против фашизма». В ней имелся следующий пассаж: «В то время, когда разъяренный фашизм уничтожает достижения науки и техники и ведет свои страны к ужасам средневековья...» [18. Прим. 1. С. 288].

Одновременно в Москве был прекращен показ антинацистских фильмов «Профессор Мамлок» и «Семья Оппенгейм» [16. С. 543].

В Ленинграде агитаторам-докладчикам были заданы вопросы, ответы на которые было найти не так легко: «Как могло получиться, что основной очаг войны, центр агрессии (Германия. — С.Е.) и вдруг заключает договор о ненападении. Как будет реагировать рабочий класс Германии, если мы заключим договор о ненападении с фашистским правительством?» [11. С. 15].

В разговорах и беседах советские люди проявляли явное недоверие к официальной пропаганде, поскольку привычные антифашистские установки были без всяких объяснений отвергнуты. Так, коммерческий директор фабрики «Скороход» (г.Ленинград) говорил:

«Мы люди пожилые и привыкли при советской власти к очень многому. Мы научились ничему не удивляться. Но молодежь не только удивляется, но и возмущается. В демонстрации дружбы с погромщиками она видит просто измену со стороны руководства партии. Молодежь учили ненавидеть фашизм и вдруг СТАЛИН встал рядом с погромщиками» [11. С. 16].

Между тем советское политическое руководство сочло необходимым вновь напомнить о приверженности выбранному им курсу на сближение с Германией. В докладе о внешней политике Советского Союза, провозглашенном на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г., В.М.Молотов заявил, что «в основе сложившихся добрососедских и дружественных советско-германских отношений лежат не случайные соображения конъюнктурного характера, а коренные государственные интересы как СССР, так и Германии» [14. 1940. 2 августа].

К первой годовщине подписания советско-германских договоренностей о ненападении и о дружбе и границе были подготовлены передовые статьи для газет «Правда» и «Известия», редактирование которых осуществляли лично И.В.Сталин и В.М.Молотов [13. С. 216].

В печатных материалах, которые появлялись после подписания пакта Риббентропа—Молотова в советской прессе, внутренняя политика нацистского руководства перестала подвергаться критике. Если ранее центральные газеты утверждали, что фашистский режим привел Германию на грань экономического кризиса, а достижения германской и мировой культуры попираются варварскими действиями нацистов, то, начиная с 1940 г., их тематика резко изменилась. Так, редколлегия газеты «Правда» предлагала своим читателям такую информацию, из которой следовало, что в Третьем рейхе хорошо развита индустрия, она обладает мощной техникой, базирующейся на собственной машиностроительной и химической промышленности. Излюбленными темами при описании ситуации в Германии становятся успехи и достижения науки и техники в стране [7. С. 224].

Сообщения о нацистском терроре, различных формах дискриминации, антисоветских провокациях, росте рабочего движения и т.д. и т.п. исчезли со страниц газеты «Правда», «пропадают эмоционально окрашенные статьи или заметки, способные пролить свет на истинное состояние дел» при нацистском режиме [7. С. 224]. Те материалы, которые все-таки появлялись и касались экономических или политических реалий этого режима, ограничивались «сухой констатацией нацистской статистики (о численности или сферах занятости населения) либо перепечаткой отдельных примеров трудового законодательства». Подобные материалы, как правило, не комментировались и были лишены негативной нагрузки [7. С. 225].

В июне 1940 г., в преддверии годовщины подписания Договора о ненападении с Германией, заместитель директора Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР А.Ф.Бордадын получил задание написать статью о состоянии германской экономики. Он был предупрежден о том, что «ничего плохого о Германии писать нельзя», поскольку приближалась годовщина договора от 23 августа 1939 г. [12. С. 62].

Поскольку А.Ф.Бордадын не имел возможности систематически заниматься научными изысканиями, будучи загружен как замдиректора ИМХМП АН СССР исключительно организационными и хозяйственными вопросами, он возлагал надежду на помощь со стороны директора Института Е.С.Варги, от которого и получил задание написать упомянутую статью. А.Ф.Бордадын подготовил рукопись статьи о военном хозяйстве Германии, опираясь на имевшиеся материалы Института, а также на германскую прессу. С этой рукописью ознакомился Е.С.Варга. Последовал его письменный отзыв, в котором статья оценивалась как «неплохая» [12. С. 63].

Рукопись статьи А.Ф.Бордадына вначале редактировал сам Е.С.Варга, затем — сотрудники Отдела печати НКВД. Из нее были вычеркнуты пассажи о слабых сторонах

экономики Германии. Автор статьи не был ознакомлен с внесенными правками, так как находился в длительной командировке вне Москвы. Он сохранял уверенность, что поскольку статья получила положительный отзыв директора ИМХИМП АН СССР и ее пропустил Отдел печати НКВД, ничего «политически неправильного» в ней не было. Материал был опубликован к годовщине советско-германского договора о ненападении [2. С. 38—49]. Редколлегия печатного органа Главного управления политической пропаганды Красной армии (ГУППКА), журнала «Политучеба красноармейца» включила статью в список публикаций, рекомендованных для изучения на политзанятиях сопредельных с СССР стран [12. С. 63].

Прививавшееся советской пропагандой до 23 августа 1939 г. враждебное отношение к гитлеровскому режиму «компенсировалось» (не без ее же помощи) уверенностью в быстрой победе над немцами в случае прямого вооруженного столкновения с Германией. Однако триумфальные успехи германской армии (особенно победа над Францией) порождали другие чувства. В.В.Вишневский 18 июня 1940 г. записал в дневнике: «Германия подминает, всасывает страну за страной... Немцы упоены... Тяжело думать, что их организация м[ожет] б[ыть] действительно выше всех организаций в мире. Именно организация: машинность, дисциплина, слепое повиновение, автоматизм, немножко мифов, мистики... Немцы, нацизм — это ответ Европы на Версаль и большевизм. Странное сочетание, — странное, но грандиозное, сильное. Когда в 3 месяца с карты мира смахнуто 5 европейских стран, есть над чем подумать. А мы думали и изучали это явление недостаточно» [12. С. 115].

В целом, временный политический выигрыш от договоренностей с Германией августа—сентября 1939 г. сопровождался политико-идеологическими издержками. То, что советская пропаганда нацелилась на обоснование «дружбы» с Третьим рейхом, избегая критики внешней и внутренней политики нацистского руководства, вызывало у некоторых советских граждан раздражение и недовольство, хотя степень распространения подобного рода настроений в обществе трудно поддается анализу ввиду явного недостатка репрезентативных источников по данному сюжету.

Литературные и публицистические произведения, периодическая печать, кинопрокат по цензурным соображениям уже не выполняли роли «обличителей» нацистского руководства. Из тактических соображений советская пропаганда была настроена на обеспечение лозунга о «расцвете дружбы» с Германией. Это вводило в заблуждение и закономерно воспринималось в обществе как своеобразное «отклонение» от прежней антифашистской линии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая цензура: писатели и журналисты в Стране советов, 1917—1956 гг. М., 2005.
2. Бордадын А. Организация военного хозяйства в Германии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1940. № 8. С. 38—49.
3. Вернадский В.И. Дневник 1940 года // Дружба народов. 1993. № 9. С. 168—184.
4. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В.Сталина: В 2 кн. М., 1989.
5. Галактионов Ю.В. Отечественная историография германского фашизма (1920-е годы — первая половина 1990-х годов). Кемерово, 2007.
6. Государственный Архив Российской Федерации.
7. Григорьева О.И. Образ Германии на страницах газеты «Правда» (январь 1933 — июнь 1941 г.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия: Сб. ст. М., 2009. Вып. 5. С. 211—235.
8. Григорьева О.И. Образ Германии в восприятии советских граждан накануне Великой Отечественной войны (по источникам личного происхождения) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия: Сб. ст. М., 2012. Вып. 6 (II). С. 316—326.

9. Известия Советов Народных депутатов СССР: ежедневная общеполит. газета // Изд-е Президиума Верховного Совета СССР. М., 1939.
10. Зеленев М.В. Главлит в 20—30-е годы // Вопр. истории. 1997. № 3. С. 48—55.
11. Международное положение глазами ленинградцев, 1941—1945 (Из Архива Управления Федеральной Службы Безопасности по г.Санкт-Петербургу и Ленинградской области). СПб., 1996.
12. Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939—1941 гг. М., 1997.
13. Оглашению подлежит: СССР — Германия, 1939—1941: Док. и материалы. М., 1991.
14. Правда: ежедневная общеполит. газета // Орган ЦК ВКП(б). М., 1939.
15. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007.
16. Такер Р. Сталин у власти: История и личность, 1928—1941. М., 1997.
17. Чубарьян А.О. Российско-германские отношения (август 1939 — июнь 1941). «Смена вех» в теории, идеологии и пропаганде // «Завтра может быть уже поздно...»: Вестник МГИМО — Университета: спец. выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С.115—125.
18. Zensur in der UdSSR. Archivdokumente 1917—1991. Dokumente und Analysen zur russischen und sowjetischen Kultur. Band 13/II / hg. A.V. Bljum. Bochum, 1999.